

Глава 16. Высочайший указ

Линь Лан выслушал доклад Хэцзя со своей обычной ленивой истомой. Заметив, что хозяин вновь погружается в полусон, служанка тихонько попятилась и выскользнула из комнаты, чтобы разыскать Хэхуань.

Подойдя к подруге, Хэцзя взяла в руки расшитый ею платок и шёпотом спросила:

— С тех пор как я ушла проведать барышню, молодой господин так и не шевельнулся?

Хэхуань отложила иглу и покачала головой:

— Ни разу. Только в полдень, когда подали обед, немного оживился.

Хэлэ подошла ближе и тоже понизила голос:

— Может, тепловой удар? Не позвать ли лекаря?

— Да какой лекарь, — улыбнулась Хэцзя. — Разморило его просто. Жарынь стоит невыносимая, вот у господина и нет сил шевелиться. К вечеру, как спадёт зной, сразу оживёт.

Хэхуань и Хэлэ переглянулись и прыснули со смеху.

— Зачем нам кого-то искать, когда у нас своя «целительница Хэцзя» под боком! — поддразнила подругу Хэхуань.

Хэцзя не осталась в долгу и шутливо ущипнула её за щеку:

— Ах ты негодница, ещё и насмехаешься надо мной!

— Ой, да не смеюсь я! — взмолилась та, пытаясь увернуться. — Из нас ведь только ты смыслишь в медицине!

Однако Хэцзя пальцев не разжала, продолжая слегка тискать подругу за щёку. Почувствовав, что становится больно, Хэхуань запричитала:

— Пощади, сестрица! Сжалась, больше не буду!

Тут вмешалась Хэлэ, стараясь примирить девушек:

— Милая сестрица Хэцзя, прости ты её. Она же всегда сначала ляпнет, а потом думает. Полно вам! Разомнитесь так, что молодого господина разбудите.

Только тогда Хэцзя отпустила подругу:

— Каждый раз одно и то же обещаешь, а толку чуть.

Хэхуань принялась тереть покрасневшую щёку:

— И откуда в твоих пальцах столько силы? Всю щёку мне докрасна натерла!

Глядя на её обиженную мину, Хэцзя рассмеялась:

— Так ведь и ты хороша: сколько тебя ни учи, уроки впрок не идут. Наступаешь на те же грабли.

— Я ведь чистую правду сказала, а ты сразу злиться! — фыркнула Хэхуань.

— Похоже, теперь уже сестрица Хэхуань злится, — прыснула Хэлэ.

Услышав это, Хэхуань потянулась к её уху:

— Ах так? Ну-ка изведай и ты этой ласки, посмотрим, как заговоришь!

На самом деле Линь Лан вовсе не спал — он просто лежал с закрытыми глазами, отдыхая в тишине. Слушая весёлую возню девчат, он с улыбкой подал голос:

— Ваш господин тут изнывает от духоты, а вы вместо того, чтобы помахать веером, устроили кавардак.

Хэцзя тут же потянулась за бамбуковым веером и, пряча улыбку, возразила:

— Да в комнате же лёд стоит! К тому же солнце уже клонится к закату, откуда взяться такой уж жар?

Тем не менее она подошла к кушетке и принялась мерно обмахивать юношу.

— Молодой господин, вы бы побереглись, — заметила Хэхуань. — Под сквозняком и простудиться недолго.

Линь Лан тихо рассмеялся:

— Не такой уж я хилый. Эх, сейчас бы дождя... В столице летом дышать нечем. То ли дело у нас в Гусу — благодать!

Не успели служанки ответить, как снаружи послышались торопливые шаги. Какая-то служанка из дома Цзя, запыхавшись, кричала на бегу:

— Молодой господин Линь! Скорее идите в переднюю залу! Прибыл высочайший указ!

Хэцзя и остальные девицы так и замерли. Мгновенно сообразив, что к чему, они бросились к сундукам за парадным платьем. Наскоро переодевшись, Линь Лан поспешил в парадную часть усадьбы.

В главной зале собрались все именитые хозяева поместья Жунго. Цзя Чжэн вёл вежливую беседу с прибывшим евнухом, а Цзя Шэ, сидевший поодаль с чашкой чая, при виде вошедшего племянника благосклонно кивнул.

Линь Лан с приветливой улыбкой поклонился старшим. Цзя Чжэн тут же обратился к посланнику:

— Евнух Дай, позвольте представить вам моего племянника. Это Линь Лан, сын Инспектора соляного ведомства Линя.

Евнух поднялся со своего кресла и мягко улыбнулся юноше. Линь Лан поспешил поклониться:

— Приветствую вас, почтенный евнух Дай!

— Ну что вы, помилуйте, Молодой господин Линь, не стоит таких церемоний! — торопливо замахал руками тот. — Ничтожный раб Дай Нин рад приветствовать Молодого господина Линя!

Такая угодливость показалась Линь Лану странной, но размышлять об этом времени не было. После краткого обмена любезностями Дай Нин развернул свиток из жёлтого шёлка и торжественно зачитал указ:

— «По воле Небес, заявляем указ Императора! Принимая во внимание, что Линь Лан, сын инспектора соляного ведомства Линь Жухая, находится в нежном возрасте и не должен оставаться без должного наставления, высочайшим повелением дозволяем ему явиться во дворец для обучения. Да пребудет он подле своего учителя, постигая мудрость древних святых. Уповаем, что отныне он приложит все усердие в учении, дабы со временем возрасти верным слугой престола и опорой Государства! Внемли сему!»

Линь Лан благоговейно преклонил колени, восславил Императора и обеими руками принял священный свиток.

Дай Нин с доброжелательной улыбкой пояснил:

— Его Величество рассудил, что вы ещё слишком молоды, а почтенный Линъюнь-цзы ныне занят преподаванием во дворце и не может часто навещать вас в усадьбе. Посему государь и явил свою милость.

— Бесконечно благодарен Его Величеству за отеческую заботу, — с почтением ответил Линь Лан. — Я приложу все силы к учению, дабы оправдать столь великое доверие.

Дай Нин поклонился, собираясь отбыть:

— Дела службы не позволяют мне задерживаться на чаепитие. С вашего позволения, я вынужден откланяться.

— В таком случае не смею задерживать. Надеюсь, в другой раз нам удастся побеседовать за чашкой чая. Доброго вам пути, почтенный евнух!

Линь Лан вместе с Цзя Шэ и Цзя Чжэном проводили гостя до ворот. У самого выхода Цзя Шэ попытался незаметно всучить Дай Нину увесистый красный конверт с деньгами, однако тот вежливо, но непреклонно отказался и тотчас покинул поместье.

Когда Линь Лан вернулся во внутренние покои, в зале Жунси уже царило необычайное оживление. Все знатные дамы собрались у Старой госпожи, рассыпаясь в поздравлениях. Матриарх сияла от гордости, а молодые барышни плотным кольцом окружили Дайюй, наперебой поздравляя её с успехом брата.

При появлении самого виновника торжества поднялась новая волна восторгов. Старая госпожа ласково притянула Линь Лана к себе и обняла:

— Голубчик ты мой! Теперь, когда ты допущен во дворец, шалости придётся оставить. Помни: учение — дело серьёзное.

Линь Лан в летнюю жару терпеть не мог чужих прикосновений, но, не смея обидеть бабушку, лишь слегка отстранился и почтительно улыбнулся:

— Вы совершенно правы, бабушка. Обещаю прилежно учиться и не доставлять хлопот.

Ван Сифэн, воспользовавшись моментом, звонко рассмеялась:

— Ну и ну, братец Линь! Какая честь — учиться в самом дворце! Я хоть грамоте не обучена, но знаю, что наставниками у принцев служат почтенные мужи из Академии Ханьлинь, великие умы современности. Глядишь, через пару лет наш братец вернётся Третьим лауреатом императорских экзаменов! Ох, сколько тогда свах набежит к нашей Старой госпоже, ног не унесут!

Слова Сифэн вызвали бурный восторг. Все принялись наперебой льстить Матриарху и восхвалять таланты Линь Лана, будто тот уже примерил чиновничью шапку.

— Всё это лишь благодаря доброму имени моего отца и почтенного учителя, — скромно возразил Линь Лан. — Иначе с чего бы государю знать о существовании такого ничтожного юноши, как я?

Старая госпожа согласно закивала:

— Оно-то так, да только не будь ты сам смышлёным малым, господин Лин ни за что не стал бы просить за тебя перед престолом.

Линь Лан сразу понял, что домашние приписали его успех протекции Линъюнь-цзы. Он-то знал, что учитель тут совершенно ни при чём, однако разуверять их не стал, лишь понимающе улыбнулся.

Пока гости и домочадцы соревновались в лестях, Линь Лан ловко уходил от прямых ответов, со всем соглашаясь, но не связывая себя никакими обещаниями. Заметив, как высоко взлетел престиж юноши, госпожа Ван решила воспользоваться случаем. Она завела разговор о том, чтобы Линь Лан при случае замолвил слово перед Его Величеством за её дочь Юаньчунь, томящуюся во дворце.

Но не успел Линь Лан и рта открыть для вежливого отказа, как Матриарх грозно оборвала невестку:

— Сноха! Что за вздор ты несешь?! Мальчик идёт во дворец учиться, какое ему дело до гарема и дел заднего двора? У каждого своя судьба, и не вздумай втягивать ребёнка в свои интриги!

Госпожа Ван торопливо пробормотала слова покорности, но в душе её закипела лютая злоба. Никогда ещё Старая госпожа не унижала её при всей семье так открыто. Лицо госпожи Ван побелело от стыда, и всю свою затаённую ненависть она обратила на невинного племянника.

Причина гнева Матриарха крылась в утреннем разговоре. Цзя Лянь с супругой приходили к ней просить защиты и жаловаться на притеснения. Из их путаных признаний Старая госпожа поняла, что именно госпожа Ван подбила Сифэн на сомнительные дела с ростовщичеством, да к тому же сама тайно бралась улаживать чужие тяжбы за деньги. Возмущённая подобным самоуправством, Матриарх давно искала повода проучить невестку и заставить её образумиться. Однако, поскольку дело ещё не было замято до конца, а портить отношения с

матерью своего любимца Баоюя не хотелось, Матриарх сдерживала гнев. Но раз уж госпожа Ван сама лишилась всякого стыда, то и Старая госпожа не сочла нужным щадить её самолюбие. Лишь присутствие Баоюя удержало её от более суровой кары.

В зале на мгновение повисла неловкая тишина, но вскоре разговоры возобновились с прежней силой. В этот момент слуги доложили, что господа вернулись с переднего двора и желают засвидетельствовать почтение матушке. Девушки поспешили разойтись по своим покоям, а Баоюй, до смерти боявшийся строгого отца, выскользнул за дверь вместе с ними.

Линь Лан учтиво поднялся и отошёл в сторону, ожидая, пока трое старших мужчин исполнят сыновний долг. Лишь когда они расселись по местам, он вновь занял своё кресло. Наблюдая за его безупречными манерами, Старая госпожа мысленно вздохнула: «Какое благородство, какое воспитание! Не то что наш Баоюй, который при одном упоминании об отце готов сквозь землю провалиться... Как жаль, что этот мальчик не принадлежит к нашему роду».

Вскоре Матриарх отослала праздных слуг, и в покоях остались лишь самые близкие — пять человек.

Цзя Шэ, всё ещё пребывавший в тревоге после утренней взбучки, робко спросил:

— Матушка, когда я провожал евнуха Дая, то попытался вручить ему подношение... Но он наотрез отказался. Не навлечёт ли это на нас беду?

При виде этого малодушия Матриарх мысленно поморщилась. «И этот человек упрекает меня в том, что я больше благоволю младшему сыну! Чуть что случится — бежит прятаться за мою юбку!» — подумала она, но вслух произнесла бесстрастно:

— Не глупи. Подумай, кто такой Дай Нин! Он доверенное лицо государя, а не какой-нибудь мелкий писец, чтобы брать взятки у всех на виду. То, что он отказался, — в порядке вещей. Главное, что мы проявили должное почтение.

Цзя Шэ заметно повеселел. Матриарх тем временем продолжила:

— Раз уж мы заговорили о семейных делах... Хотя хозяйство у нас традиционно ведёт старшая ветвь, невестка Сифэн сейчас нездорова. Лекарь велел ей побережь себя и избегать волнений. Посему я, старуха, на время возьму бразды правления в свои руки.

Поскольку в старшей ветви этот вопрос был решён заранее, возражений не последовало. Цзя Чжэн же, не вникавший в домашние хлопоты, безучастно кивнул.

Поняв, что разговор переходит на сугубо внутренние дела семьи Цзя, Линь Лан поднялся и с поклоном произнёс:

— Бабушка, раз у вас важные дела, позвольте мне откланяться. Мне необходимо навестить учителя и расспросить его о предстоящей службе во дворце.

Старая госпожа хотела расспросить внука подробнее о деталях указа, но раз уж дело касалось высочайшего наставника, удерживать его не решилась. На её лице промелькнуло недовольство, но она сухо разрешила:

— Что ж, ступай. Раз того требует долг.

Заметив тень досады на лице Матриарха, Линь Лан не стал задерживаться и поспешно покинул комнату, предоставив семейству Цзя наедине обсуждать свои тайны.

Юноша не кривил душой перед бабушкой — ему действительно требовались разъяснения наставника. Покинув поместье Жунго, он без промедления направился в Поместье Лин.

Застав учителя Линъюнь-цзы за чаем, Линь Лан сразу перешёл к делу:

— Учитель, сегодня евнух Дай Нин доставил императорский указ. Мне даровано дозволение учиться во дворце.

Линъюнь-цзы неторопливо отпил чаю и приподнял бровь:

— И что с того?

— Но вы ведь наверняка знали об этом заранее! — воскликнул юноша. — Скажите, почему Его Величество принял такое решение так внезапно?

— Чему быть, того не миновать, — философски отозвался наставник. — Радуйся, что эта милость не таит в себе скрытой угрозы. К тому же отказаться ты всё равно не волен, так к чему пустые расспросы?

Линь Лан на мгновение задумался, припоминая детали встречи:

— Помните того знатного господина, что подарил мне буддийские чётки? Сегодня было так жарко, что я надел их ради прохлады. Когда приехал евнух Дай, он сразу обратил на них внимание и после этого стал необычайно учтив со мной...

Линъюнь-цзы со стуком опустил пиалу на столик:

— И ты решил, что тот прохожий и был самым императором?

Линь Лан смущённо улыбнулся. Наставник лишь презрительно фыркнул:

— Глупец! Если бы предо мной стоял повелитель Поднебесной, разве посмел бы я вести себя столь вольно?

— Ну... — замялся юноша. — О вашем крутом нраве ходят легенды. В Гусу вас и вовсе величали не иначе как дерзким вольнодумцем.

— Вольнодумство хорошо в меру, — отрезал Линъюнь-цзы. — Будь я так дерзок с Его Величеством, моя голова давно бы украшала городские ворота. Оставь эти пустые фантазии. Тот господин — всего лишь младший брат императора.

Линь Лан изумлённо округлил глаза:

— Брат государя? Неужто сам Великий князь Чжунцзин?

Линъюнь-цзы, забавляясь его растерянностью, усмехнулся:

— Он самый, простофиля ты мой.

Линь Лан почесал затылок и облегчённо выдохнул:

— Значит, моё приглашение во дворец — его рук дело?

Учитель молча кивнул.

— Что же вы молчали! — с притворной обидой воскликнул юноша. — Я тут извёлся весь от страха!

— А какая разница, кто просил? — наставник равнодушно повёл плечом. — Указ в любом случае подписан рукой государя.

«Доля правды в его словах есть», — подумал Линь Лан, хотя чувство, что его обвели вокруг пальца, не исчезало.

— Оно, конечно, так, но всё же...

— Довольно пустых разговоров, — оборвал его Линъюнь-цзы. — Раз уж пришёл, слушай дело. Завтра тебе переступить порог дворца, а там свои законы и негласные запреты. Запоминай хорошенько, если не хочешь нажить беду.

Юноше оставалось лишь смиренно замолчать под строгим взглядом учителя и приготовиться слушать наставления о нравах императорского двора.

Нынешний государь превзошёл всех своих предшественников по числу наследников: у него было семнадцать сыновей и тринадцать дочерей. Столь обильное потомство порождало великое множество соперничающих наложниц, а отсутствие законной императрицы лишь усугубляло раздор в гареме. Дворцовые дамы вели непрекращающуюся борьбу за власть, плетя интриги, которые неизбежно отдавались эхом в совете министров. По меткому выражению Линъюнь-цзы, Его Величество искусно использовал эту вражду: он дразнил соперников, словно собак сочным куском мяса, не позволяя никому одержать верх, а сам невозмутимо наблюдал за схваткой с высоты престола.

В последние годы, обременённый летами, император стал с подозрением относиться к старшим, уже возмужавшим сыновьям. Всю свою нежность он перенёс на младших детей, а также на своего единоутробного брата — Великого князя Чжунцзина. Наставник особо отметил, что юные принцы и внуки государя, ныне постигающие науки в императорском кабинете, близки Линь Лану по возрасту и далеки от борьбы за престол, так что с ними можно водить дружбу. Но вот их старших братьев и отцов следовало остерегаться и держаться от них на почтительном расстоянии. Разумеется, находить эту тонкую грань юноше придётся самому.

Хотя Линь Лан отправлялся во дворец лишь для учения, классные комнаты находились по соседству с покоями гарема. Наставник строго-настрого запретил ему праздно разгуливать по дворцовым переходам и доверяться кому бы то ни было из придворных. К высокопоставленным наложницам следовало проявлять безупречное почтение, даже если те давно утратили благосклонность государя, дабы не навлечь на себя тайную месть в будущем.

Линъюнь-цзы подробно разъяснил, какие влиятельные кланы стоят за каждой из влиятельных наложниц и кто из старших принцев имеет наибольшие шансы в борьбе за престол наследника.

После ужина Линь Лан задержался у учителя ещё на некоторое время, выслушивая напутствия касательно будущих занятий. Линъюнь-цзы подробно расписал, какие книги и принадлежности понадобятся завтра во дворце, а что брать с собой категорически запрещено. Опасаясь, что легкомысленный ученик упустит важные детали, наставник собственноручно занёс всё на лист бумаги.

Лишь поздно вечером, бережно спрятав памятку, Линь Лан тепло распрощался с учителем и отправился в поместье Жунго.